

Лебедев. Э.

15/1 1987 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ДЕНЬ ЮБИЛЕЯ

«АКТЕР века» — так назвали артиста АБДТ имени М. Горького Евгения Алексеевича Лебедева в прессе ФРГ после показа там спектаклей «Мещанин» и «История лошади». Им хватило двух сценических созданий Лебедева, чтобы в двух словах выразить свое понимание масштаба явления, представшего перед их взором. Несколько же больше права у нас на эту почетную лестницу, но справедливую формулу сегодня, когда мы отмечаем 70-летие этого удивительного, этого нестареющего художника. Перед нами не две — но более 150 ролей, сыгранных актером за сорок семь лет деятельности в театре, в кино, на телевидении. Перед нами — жизнь человеческая. И какая жизнь!

Великая Волга подарила его, как и другого своего сына, Николая Константиновича Симонова, невским берегам. С 1949 года живет и трудится Лебедев в Ленинграде. Сначала — в Театре имени Ленинского комсомола. Последние тридцать лет — в Большом драматическом.

Лебедев смолоту, как только выбрал основное русло жизни, с бурлацким упорством потянул бечеву будущей профессии. Он принадлежит к той особой породе художников-«коренников», на которых, как на фундаменте, держится вечно живая традиция и неповторимость русской школы сценического искусства. Артист-виртуоз, он неизменно блюдет мастерство самой высокой пробы. Что не тускнеет. Ценится во все времена. Достигается и талантом непомерным, и трудом великим. Лебедев видел, знает образцы такого искусства, ибо еще в пору ученичества соприкоснулся с разными, но мощными течениями отечественного театра.

И В МОЛОДЫЕ годы, и ныне у Лебедева прямо-таки волчий аппетит к работе. Но работа ли это в привычном, бытовом, несколько прозаическом понимании слова? По-моему, прав был М. Ульянов, написавший о Лебедеве: «Его творчество... являет собой пример подвижничества, которое в своих возможностях границ не имеет». Подвижничество! Пожалуй, именно так. Оттого его человеческий образ столь часто ассоциируется у разных людей с русским мастерством, умельцем. Оттого, возможно, в самой походке его — немного боком, углом, таранящей, — словно закрепилась эта привычка к постоянному, ежедневному одолению. Он будто раз и навсегда решил для себя, что вот так, с кондачка, от щедрот господних ничего ему не свалится. Другому, может, и перепадет, а ему, Лебедеву, ни в какую!

Другие люди, правда, видят Лебедева несколько иначе. Даниил Гранин отозвался о нем так: «Он талантлив разнообразно... Мне нравятся и то, что у него есть неудачи, что он неровен в творчестве. Какие-то роли в кино не удаются, какие-то замыслы срываются. В конце концов это тоже верный показатель большого таланта. Все и всегда получается лишь у ремесленников».

Режиссер Г. Товстоногов объясняет: «Лебедев из тех актеров, которые хотят видеть в режиссере единомышленника, вовлекают его в серьезные, глубокий разговор о жизни... Лебедев хочет осмыслить значение всего творчества Толстого. И, поняв и прочувствовав его, так сыграет пантомиму смерти, что партнеры будут плакать на репетиции этой сцены... Вот для того, чтобы прийти к этому, Лебедеву и надо знать все о Толстом и надо знать, что режиссер тоже знает и тоже мог бы нарисовать или выложить из дерева портрет великого писателя: если бы он умел это делать, как умеет сам Лебедев. С ним трудно идти вместе к результату, но результат в его лучших работах на такой высоте, что хочется быть его соавтором в поисках единственно точного решения, когда отчетливо ясно, во имя чего мы сегодня ставим спектакль, во имя чего он играет роль».

Речитывывая многочисленные интервью, диалоги, беседы с Лебедевым, разговаривая с ним самим, я думал о том, что движет им сегодня. Ведь как будто всего достиг в жизни: в БДТ — лидер. В кино снимается много и часто. Зрители любят. Товарищи по ремеслу почитают. Мир повидал. Дружен с людьми необыкновенными. Счастье — человеческое, семейное — не упустил. Славой с наградами не обойден. Казалось бы... Ну чего волноваться? А его беспокойство сжигает! О чем же радуется Евгений Алексеевич?

Если коротко — о нравственном и духовном здоровье современного человека. Он жестко судит о вещах

В ПОИСКАХ ПРАВДЫ

и явлениях, которые не приемлет. Как возмущает Лебедева инфантильность молодого режиссера — ему доверили театр, а он тут же, ничего толком не сделав, бросается на «котхожие промыслы». Его огорчают собраты по ремеслу, переставшие много требовать с себя, «забывающие» ставить перед собой серьезные задачи, — он видит в этом измельчении непоправимый урон престижу актерской профессии. Лебедев гневается на тех кинорежиссеров, которые заслоняют собой актера, «пытаются играть за него». И одновременно ратует за поиски молодой режиссуры в театре и кино, прекрасно понимая неотделимость сегодня творчества актера от режиссерских исканий. Лебедева истинно заботят отсутствие в сценариях хороших ролей, взаимоотношения литературы и театра. «Театр в союзе с литературой — вот моя вера, мое актерское приращение. Это моя дорога, которую я выбрал и стараюсь с нее не сбиться, — это дорога нашей классики». Уже предложение Лебедевым именно тех писателей, что чувствовали и чувствуют естественно-природную основу бытия — Шекспира, Толстого, Гоголя, Островского, Достоевского, Горького, Шолохова, Шукшина, Астафьева, Друцз, Распутина, — многое проясняет в духовном облике актера.

«Я сегодня часто говорю о стержневом направлении развития искусства, об опоре поиска на опыт, о фундаменте традиций. Для меня Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов, Горький не воспринимаются каждый сам по себе. Да, каждый — открытие, каждый — глыба, монолит. Но все они — единый стержень русской литературы. И живо в веках и будет живо только то, что наращивает этот стержень, что питает его... Лучшие творцы искусства принадлежат человечеству, это так. Но лучшими во все времена признавались лишь те, что с наибольшей полнотой выразили суть своего народа...».

Беседует ли он с творческой молодежью, делится ли секретами своего мастерства с участниками художественной самостоятельности, просто рассказывает о себе или задумывается о поразившем его воображении факте, событии, явлении, — везде и во всем ощутимы этот зоркий взгляд художника, его недремлющая мысль, требовательная причастность ко всему, что есть, было и будет.

Лебедев — не только выдающийся актер советского искусства, но и ревностный собиратель, хранитель, наследник корневых основ русской художественной культуры, ее живое воплощение. Не следует только понимать это буквально: вот, мол, Лебедев чего-то еще собирает, хранит, наследует. Собрать ему некогда — он творит! Но все его твор-

чество, в том числе и литературное — книга, статьи, очерки, автобиографические заметки, диалоги с критиками и журналистами, рассказы, устные выступления, — пронизано идеей сохранения и восстановления, дальнейшего развития отечественной культуры. Лебедев спешит рассказать о встречах, которые навсегда остались в его памяти. Думаю, если собрать все эти работы вместе, под одной обложкой, то получится внушительная картина художественной и культурной жизни 1930—1980-х годов, целый мир творчества...

ЛЕБЕДЕВ — актер огневой. Но страстность его ощущаешь не только в ролях — в самом пульсе, ритме его жизни. Не могу представить себе Лебедева степенным, экранным расхожим лицом. Как приличествует возрасту и заслугам. Он по-детски любознателен; подвижен, как ртуть. В его глубоко посаженных, цвета зрелого каштана глазах, в их чуть удлиненном разрезе — неисчезающее удивление миром. Когда же боли в сердце загоняют в больничную палату, он принимает писать «рассказики» — своего рода упражнения на остроту зрения. Евгения Алексеевича занимает, как люди говорят, о чем думают, от чего страдают...

— ...и счастье мое, считаю, в том, что многое узнал я не из книг, но через труд, через людей, с которыми общался, дружил и продолжаю дружить до сих пор, — рассказывает Лебедев в своих автобиографических заметках «Сценические версты». — Я приобрел немало рабочих профессий, которые в трудные моменты судьбы давали мне хлеб насущный. И когда, будучи уже актером, я встречался — и продолжаю встречаться — с рабочими, наше общение не ограничивалось и не ограничивается разговорами о театре, о моих ролях на сцене и на экране. Мне всегда интересно вникнуть в ту или иную «профессиональную мастерскую», потому что, чем бы человек ни занимался, его дело всегда требует творческого подхода — так я считаю. И радость в своем труде, по моему, находят те, кто воспринимает его не просто работой, каждодневным занятием, но творчеством.

Лебедев знал и знает эту святую радость творческого труда. Вы скажете: ну конечно, актер! Играет роли! А я скажу: какое там! Здесь «дышит почва и судьба». Тут бушуют вулканы человеческих страстей. Стенает и ликует природа. И с той же необъяснимой, какой-то «земляной» силой «вочеловечиваются», казались бы, чисто духовные, бестелесные категории.

Углубленная разработка вечных мотивов жизни и смерти, любви и ненависти, добра и зла, образуя ядро артистической индивидуальности Лебедева, нашла воплощение в

подлинных шедеврах актерского искусства. Они проходят перед мысленным взором...

Убогий в своей претенциозности, но и садняще любящий Маврикий Моныхов («Варвары», 1959). Трагифарсовый Бессеменов («Мещанин», 1966), роль, удостоенная Государственной премии СССР. Воплощение сатанинской энергии разрушения всего живого, невообразимая помесь параноического бреда о мировом господстве с актерскими упрямствами по исполнению речей-монологов, бешеный лай вперемежку с протяжно-тощими завываниями, а в промежутках чавканье кривавого ульня — Артуро Уи («Карьера Артуро Уи, которой могло бы не быть», 1963). Целая философия жизни через историю пегого мерина; чувство горестного недоумения перед жестокостью мира и, одновременно, восторг перед его красотой; трагедия тех, кто вынесен жизнью за скобки сценария в образе Холстомера («История лошади», 1975). Срез общественного явления в образе власти предержащего мракобеса-развалины Крутицкого («На всякого мудраца довольно простота», 1985). Основа и оплот сущего; редкая земля, вод, лесов; вситель — в лихие времена; зажиточник дома, семьи, родины; исток других человеческих жизней, — лебедевский Отец (фильм «Последний месяц осени», 1966); это почти беззвучный монолог героя о том, что остается на земле, — о собственной судьбе, отмеренной ему природой; о тех, кто после него понесет в незримую даль будущего частичку его крови и плоти, радости и страданий, трудов и верований. Премия Международного кинофестиваля в Аргентине «за лучшее исполнение мужской роли». Согнутая, словно тяжелой плитой придавленная фигура Аскентия Ивановича Поприщина (телефильм «Зиписки сумасшедшего», 1968); извечная трагедия «маленького человека», обделенного возможностью самореализации в реальной действительности.

Эти роли-создания заключают в себе главные высказывания артиста о мире, жизни, творчестве. Для тех, кто видел и знает эти произведения, они — такое свидетельство безграничности художественных возможностей Лебедева. Для всех нас — это бесценный вклад в художественную культуру современного общества, в достижения искусства актера.

Э. ЯСНЕЦ, кандидат искусствоведения Фото А. Леонидова

Редакция «Ленинградской правды» горячо поздравляет Евгения Алексеевича Лебедева с семидесятилетием, желает ему здоровья, новых творческих успехов.